

Профессор др Базили БЯЛОКОЗОВИЧ
(Польша)

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

Дорогой друг Милосав!

Твое письмо из черногорской Доброты, от 16 августа 1995 года, меня *порадовало* и *опечалило*. *Порадовало*, так как я узнал, что Ты, дорогой мой дружище, все такой же деятелен как и раньше, что продолжаешь активно и плодотворно действовать в качестве секретаря Отделения искусств Черногорской академии наук, что рождаются у Тебя все новые творческие планы научной работы. *Опечалило же* той нашей общей тревогой, горестью и болью по поводу всего того, что происходит в Югославии. Написал я в Югославии, хотя по нынешним правилам следовало бы строчить "в бывшей". Но моя рука не поворачивается так выписывать...

Радостно, тепло и сердечно вспоминаю наши многочисленные встречи и беседы на русистких и славяноведческих конгрессах, съездах, симпозиумах, конференциях и сесиях, на рабочих совещаниях руководства МАПРЯЛ-а*... В последний раз мы виделись на Международной конференции в Москве, в мае 1993 года: "*Русская литература в контексте развития мировой литературы*". И помню Твой полный упрека вопрос: "Скажи - кто такой Мазовецкий? Почему он так фанатично ненавидит сербов? Почему вводит в заблуждение мировую общественность? Сербы никогда ему этого не простят. Говорят, что он верующий католик - как это ложь, обман и травля сочетается с его христианским мировоззрением?"

Я не ответил, не успел, подошли наши общие знакомые, начали поздравлять Тебя с присвоением заслуженного звания почетного доктора Московского университета. Хотелось мне тогда сказать... что любимый нами Л. Н. Толстой, в своей работе "*Христианство и патриот-*

---

* Скраћеница од *Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы*.

изм" /1893-1894/ писал следующее: "Проповедники мира посредством арбитражи рассуждают так: два животные не могут разделить добычу иначе, как подравшись, так же поступают дети, варвары и варварские народы. Но люди разумные решают свои несогласия рассуждением, убеждением передачей решения незаинтересованным, разумным лицам. Так должны поступать и народы нашего времени. Рассуждения эти кажутся вполне правильными. Народы нашего времени дожили до периода разумности, не имея враждебности друг к другу, могли бы решать свои несогласия путем мирным. *Но рассуждение это справедливо только относительно народов, одних народов, если бы они не были под властью правительств. Народы же, подчиняющиеся правительствам, не могут быть разумны, потому что подчинение правительствам уже есть признак величайшего неразумия...*" /подчеркнуто Б.Б./

В свое время тот же Толстой в статье *О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии* /1908/ констатировал: "Разбойничье гнездо это, называемое Австрийской империей, рассчитывало на то, что другие такие же разбойничьи гнезда, озабоченные в данную минуту своими делами, пропустят этот захват без требования признания за каждым из них права участия в этом ограблении. Но вышло то, что руководители других подобных же учреждений пожелали участвовать в этом грабеже, *и вот уже несколько недель толкуют на своем, как у воров, воровском жаргоне, о всякого рода аннексиях, компенсациях, конгрессах, конференциях, декларациях, ит.п. и не могут пока прийти ни к какому решению.*" /подчеркнуто Б.Б./

Но я увлекся, хотя и это понятно, так как мы при любой нашей встрече не отрешались от актуальных политических проблем...

Вспоминаю Твой блестящий и мудрый пленарный доклад *Влияние романов Достоевского на творчество Ф. Кафки, А. Камю и М. Лалича*, открывший московскую международную конференцию. Твой весьма оригинальный компаративистский подход, в сочетании с зорко-проницательным знанием художественного наследия Достоевского и философских проблем современной мировой литературы, вызвал не только повышенный интерес среди слушателей, но и внес творческий вклад во всеобщее сравнительное литературоведение.

Недавно заглянув в пятнадцатый том *Полного собрания сочинений в тридцати томах Достоевского*, в целях наведения справки относительно *Братьев Карамазовых*, наткнулся там на странице 513, в научных комментариях, на авторитетное использование Твоей книги *Достоевски код Срба* /Титоград, 1961 г./ В свою очередь, просматривая сборник *Достоевский - Материалы и исследования*, Ленинград 1974, я обратил внимание на Твою статью *Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского*, и, кстати, использовал ее в своем лекционном курсе по истории русской литературы XIX века. И как-то невольно вспомнил наше участие осенью 1970 г. в

работе Международного симпозиума на тему *Изображение человека в русской классической и советской литературе*, организованном Кафедрой русской филологии Софийского университета. Твой доклад *Понимание и изображение человека в романах Достоевского* мы слушали вместе с Ежи Енджеевичем, ныне покойным, нашим писателем и талантливым переводчиком произведений автора *Братьев Карамазовых*, и он восторженно отозвался о Твоем весьма убедительном анализе *Легенды о Великом Инквизиторе*. Нам понравилась твоя точка зрения на легенду не только как философский трактат, а и как *образное изложение* концепции человека, как полемическое сопоставление двух разных пониманий природы человека, что и явилось основой конфликта Инквизитора с Христом.

О Достоевском мы говорили часто - и всегда Ты подчеркивал, что именно его творчество - *настоящее человековедение, подлинное знание двойственной природы человека, что оно посвящено мечтателям о справедливом устройстве общества "без униженных и оскорбленных"*. Подтверждение этих мыслей я нахожу во многих Твоих работах, в том числе и в докладе на Седьмом Международном конгрессе славистов в Варшаве в 1973 году. / *Элементы романтизма в структуре романа Ф. М. Достоевского*, и в Твоей книге *Стваралаштво Достоевског, Рад, Београд 1981 г.*

Второй Твоей любовью был несомненно Лев Толстой. С большим вниманием я выслушал Твой доклад на тему *Форма высказывания в функции раскрытия психики героя в романах Толстого* на Международном конгрессе славистов в 1978 году в Загребе. До сих пор помню основные положения Твоего доклада: внутренний мир человека автор *Войны и мира* раскрывает разнообразными способами, среди которых выделяются: *авторская речь, впечатление другого лица, информация рассказчика, речь самого героя - его исповедь, предчувствия, сны, окружающие его объекты метафорического или символического значения*. Убедителен также Твой тезис, что вся эта гамма средств показа психических состояний человека выработалась, по сути дела, в куругу *Натуральной школы*, и в той или другой мере является более развитой формой творческих приемов романтизма. Из всей сложной системы приемов Толстого Ты особенно выделил способ передачи психического состояния героя путем *анализа структуры его реплики*. Писатель применял этот способ - подчеркивалось в докладе - в драматических сюжетных ситуациях: в *конфликте, в предельном волнении, в пароксизме гнева, или в ужасе страха смерти*. Общим же знаменателем для всех этих вариантов художественного выражения и перевоплощения являлся именно тот факт, что посредством их *анормативности* освещалась сфера психики героев, а также и импульсы их поведения,

что и обуславливало удачное выполнение функции объективизации данной фабульной ситуации в потоке повествования.

Особо много внимания Ты уделил Льву Толстому в книге *Руски реалисти XIX века*, книга 2, *Светозар Марковић*, Београд 1982, стр. 239-432. Это ведь продолжение Твоего труда *Руска књижевност XIX века*, книга 1, *Научна књига*, Београд 1971, в котором основное внимание было сосредоточено на творчестве Достоевского. Но и Достоевский и Толстой показаны *не на пустом месте*, а в гуще литературной жизни и в литературном процессе, с учетом литературной критики, в созвездии таких творцов русской художественной культуры слова, как Некрасов, Тютчев, Гончаров, Тургенев, Фет, Салтыков-Щедрин, Островский и Чехов, состояющих гордость русской классической литературы.

Творчество И.С. Тургенева также привлекало Твое внимание как ученого - исследователя. Свою проницательность и глубокое знание его наследия Ты блистательно обнаружил, когда выступал по докладу Проф. Б.Криста из Австралии об *Отцах и детях* на Девятом международном конгрессе славистов в Киеве, в 1983 году. Убедительно прозвучали твои слова о необходимости дифференцировать различную *роль деталей*, то есть применять четкие критерии в определении значимости функции деталей, так как в парадигме средств воплощения сюжета, есть иерархия значения и функциональности: некоторые выражают *сущность характера* героев и таким образом определяют авторскую концепцию героев и даже авторскую позицию в отношении основной проблемы произведения; и наряду с ними - детали мелочи, которые *дорисовывают портрет или сюжетную ситуацию*, но не говорят существенного об авторской концепции и отношении к героям.

На конгрессе в Киеве в связи со столетием смерти Тургенева была организована специальная, третья подсекция в литературоведческой секции, посвященная чествованию его памяти. Раздавались там голоса, что *Тургенев такой же гений как Лев Толстой и Федор Достоевский, и должен стоять рядом с ними*. И помню, как при всем Твоем уважению к таланту автора *Записок охотника, Рудина и Отцов и детей*, прозвучал Твой голос несогласия. Цитируя стихи Сергея Есенина "Лицом к лицу - лица не увидать, Большое видится на расстоянии", Ты заявил: "У нас есть это расстояние. Прошло уже сто лет. И для нас не извинительно делать опрометчивые выводы, как это делали современники Тургенева. Было время, когда Тургенев был самым известным русским писателем в Европе, в особенности во Франции. Но вряд ли это можно мотивировать только его незаурядным талантом. Надо учесть то обстоятельство, что он был дружен с Флобером, Жорж Санд и рядом французских писателей, которые приложили немало усилий к делу закрепления славы за его именем*".

* Цитирую по: IX Международный съезд славистов, Киев 1983. Материалы дискуссии. Литературоведение. *Наукова Дума*, Киев, 1987, стр. 74

Ты не видел также оснований для утверждения, что Тургенев влиял на развитие европейского романа; наоборот, предложил все-сторонне изучить воздействие европейского, в первую очередь французского романа, на структуру тургеневских романописательских форм. Такая точка зрения меня лично вполне убедила.

Tempus fugit, проходит незаметно, как это отмечал Вергилий в своих *Георгиях* /3, 284/. И вот приближается Твой юбилей - 75-летие со дня рождения и 45-летие Твоей плодотворной научной деятельности. Вспомнил я эти юбилейные даты, и опять передо мной целые страницы прошлого. Прежде всего наши встречи и Твои работы, чтение их, использование их в моей научной и дидактической деятельности. А ведь давно я с ними знаком. Рецензируя книги *Песни и революция* /1969/ *Руска књижевност XIX века. Реализм*, книга 1/1971/ на страницах нашего общепольского журнала *Гуманитарное обозрение*, 1975, 11, стр. 160-163, я уже тогда особо выделил и отметил их *новаторский характер*. И был я очень рад, когда подтверждение своего мнения получил в рецензии *Ашота Овакимяна* из Еревана, под названием: *Две книги о русской литературе в Югославии* / *Руска књижевност XIX века. Реализм*, књига 1, 1971; *Руски реалисти XIX века*, књига 2, 1983/, опубликованной в *Информационом бюллетене МАИРСК*, Москва 1986, стр. 75-77/. С большим внутренним удовлетворением я читал следующие слова: "Большим достоинством книг Бабовича является то, что при оценке того или иного произведения автор прежде всего исходит из самого текста. Глубокий текстологический анализ позволяет ему выявить многие особенности, которые ранее либо не замечались, либо трактовались совершенно по иному. Автор критически относится как к высказываниям современников великих русских писателей, так и к новейшим советским и югославским исследователям по этой проблеме. Каждая глава завершается указателем литературы по исследуемой теме. Двухтомное исследование Милосава Бабовича представляет значительный вклад в югославскую русистику и намечает новые тенденции в изучении русской литературы" /там же, стр. 77/.

Я также вполне разделяю мнение рецензента относительно Твоей трактовки творчества Льва Толстого, особенно его романов *Война и мир*, *Анна Каренина*, *Воскресение*, и повести *Хаджи-Мурат*; "Примечательны наблюдения Бабовича - читаю в рецензии - над теми изменениями, которые Толстой внес в структуру классического романа, - психологический анализ многочисленных сюжетных ситуаций и конфликтов, рассмотрение философских взглядов Толстого и их воплощение в его произведениях. Обращает на себя внимание и попытка автора доказать, что в психологическом плане романы Толстого ничуть не беднее романов Достоевского, а по амплитуде сюжетных ситуаций даже богаче их" /там же стр. 77/.

И знакомясь с Твоими новыми докладами и трудами, я вновь и вновь убеждаюсь, что Ты, дорогой мой друг, высоко держишь знамя науки. *Прежде всего на общем фоне выделялась Твоя самостоятельность воззрений и независимость суждений.* Возвем к примеру Твой доклад на Третьем конгрессе МАПРЯЛа в Варшаве, в 1976 году, на тему *Функции мотива в структуре лирического стихотворения.* Исходя из того положения, что как в классическом, так и в современном литературоведении нет единого понимания термина *мотив*, и нет единства в понимании роли мотива в структуре художественного произведения, анализируя со знанием дела формулировки Веселовского, Томашевского, Жирмунского, Эйхенбаума, В. Виноградова, Тимофеева, Шкловского, Чудакова, Кроче, Дилтая, Кайзера, Ингардена, Рене Велека, и других теоретиков литературы, а затем группируя их вокруг трех концепций, Ты вполне убедительно обосновал свою точку зрения, рассматривая мотив в соответствии с остальными элементами структуры художественного произведения, в данном случае - лирического стихотворения: *"Мотив, - подчеркивалось в докладе - является не нейтральным, а наоборот, очень активным фактором в творческом процессе"*. И на основе анализа поэтического опыта *Афанасия Фета*, типичного лирика, было показано, в какой степени мотив внушает поэту выбор лексики, как обуславливает гамму поэтических средств воплощения объекта поэтического образа и как влияет на композицию и эвфонический уровень стихотворения. *Следовательно, именно таким образом раскрывалась закономерность соотношения всех планов структуры лирического стихотворения.*

Выдвигаю еще Твой убедительный анализ смыслового плана *Двенадцати* Александра Блока (Зборник за славистику, 1980, бр. 18), обосновывающий тезис, что *в поэме все перерастает свою нормативную сущность*, так как суть восприятия революции поэтом не в общественно исторической сфере, а скорее всего в трансцендентной, поэтому автор всем объектам - образам придавал функции символов - снег не снег, ветер не ветер, двенадцать красногвардейцев /не патруль, улица и эхо не только пространство и звук; а вход в сердцевину поэмы ведет через арки знаков и эмблем, раскрывающих поэтическую концепцию истории и мира, - все это вызывает то явление, что каждое слово имеет и другую значимость, более существенную чем номинативное значение, что и обуславливает максимальную относительность образов и его элементов. Весьма уместно также сопоставление с Маяковским. И действительно *Двенадцать* и *Хорошо* - это совершенно разные поэтические творения. В основе этого коренного отличия, как пишешь, лежит несовпадение их мировоззренческих позиций.

Хорошо помню Твой доклад *Редакции "Вора"* Леонида Леонова *в свете принципа историзма*, представленный на конференции по

проблемам изучения и преподавания русской литературы, состоявшийся на Филологическом факультете МГУ / опубликованный в сборнике *"Идейно-художественное многообразие советской литературы 60-80 их годов"*. Издат. МГУ, Москва 1991, стр. 61-67/. Упоминаемый мною Ежи Енжеевич, переводивший Леонова на польский язык, писавший о нем и знавший его лично, неоднократно подерживал, что одним из лучших знатоков, исследователей, интерпретаторов и комментаторов автора *Вора* и *Русского леса* является югославский русист Милосав Бабович.

Ты ведь часто навещал Леонова, я - дважды. И второй раз, благодаря посредничеству профессора А.И. Овчаренко, мы с тобой побывали у него во время этой конференции вместе с профессорами Л.Ф. Ершовым и И.К. Кузьмичовым. Это была незабываемая встреча и навсегда она останется в моей памяти.

В Твоем научном наследии особое место занимает *Михаил Шолохов*. Читая книгу Витомира Вулетица / *"Михаил Шолохов у српској и хрватској критики"*, Филозофски факултет, Нови Сад 1981/ я насчитал в ней *сорок девять* ссылок на Твои работы. В специальной же диссертации Богдана Косановича *Трагично у делу Шолохова* /Институт за стране језике и књижевности Филозофског факултета, Нови Сад 1988/, Твое имя упоминается *одинадцать раз*. И хотя мы с тобой не сторонники этого показательного американского подсчета упоминаний и цитирований, за чем гоняются многие тамошние ученые, - но все же в данном случае это вполне показательно. И как высоко ценят твои научные достижения в этой области виднейшие русские шолоховеды Анатолий Феодорович Бритиков, Леонид Федорович Ершов, Александр Иванович Хватов, Александр Иванович Овчаренко, К. И. Прийма, Петр Васильевич Палиевский, Ф.Г. Бирюков, В.В. Петелин, и другие. Общаясь с ними, я лично в этом убедился. И о себе могу сказать, что с большой пользой знакомился я с Твоими шолоховскими изысканиями. До сих пор помню основные положения научных посылок в Твоих работах: *Функција фолклора у структури "Тихог Дона"* / Сборник *Научни састанак слависта у Вукове дане*, Београд - Приштина - Тршић, 1976, свеска 2, МСЦ, Београд 1977, стр. 511-520/ и *Виды метафоризации в "Тихом Доне" и поэтика русского имажинизма* / Сборник *Поэтика стваралаштва Михаила Шолохова*, реферати Међународног симпозијума, Београд-Нови Сад, 1986, стр., 69-74/.

И вполне понятно, что русская исследовательница Алла Шешкен, ученый славист, в своем обзоре югославского восприятия Творчества Шолохова, особо выделила Твои работы, способствующие преодолению упрощенного подхода и понимания шолоховского наследия. Она отметила *новаторский характер Твоего анализа* функции фольклора в структуре "Тихого Дона", хранящего настоящие сокровища народной мудрости и народно-поэтической традиции, определяющие

обрисовку психологию персонажей романа, передающих обрядовые ситуации, закрепленные обычаем, воссоздающих своеобразный дух и настроения за счет превращения фольклорно-фантастических ситуаций в сегмент реальной жизни казачества /Смотри: *Творчество М. А. Шолохова в советской и зарубежной критике*. Сборник, обзоров ИНИОН, Москва 1986, 135-146/. Там же она обратила внимание на Твою весьма интересную трактовку роли и значения *народной песни и молитвы, заговоров /оружия, при набеге, от боя/* придающих достоверность изображению власти традиции над психикой героев; на народную песню, вносящую лиризм в эпическое повествование, на то, что фольклорные мотивы драматического свойства усиливают пафос, поднимая его до классической трагедии; на то, что включение в повествование мотивов, относящихся к разным жанрам народного творчества /*плачу, песне, сказке, легенде, поговорке* /, как и системе символов /*солнце, ворон, вещий сон, черное облако, и др.* / - весьма существенно обогащают стиль романа - эпопеи. Алла Шешкен проакцентировала также Твой пронизательный подход к *Поднятой целине*. Она ведь весьма удачно заметила, что именно Ты, опроверг суждения о *Поднятой целине* как о ординарном произведении, что именно Тобой вполне убедительно рассмотрены *этические, философские, социальные и психологические* свойства романа, а также проблема *пространства и времени, функции рассказчика, язык и стиль* - в их диалектической взаимосвязи. Она совершенно права, выделяя Твои рассуждения о шолоховской правде в воссоздании предельно сложных исторических явлений, гражданскую смелость художника, критическое отношение к авторитетам, отрицание схематизма и лакировки, стремление к истине, что всегда отличало русскую классическую литературу.

Указываю также на мнение Константина Приймы, что *Твой анализ образа Григория Мелехова - это в свое время было новое слово и новая мысль в мировом шолоховедении* /К. Прийма, "Тихий Дон сражается", Ростов на Дону, 1972, стр. 261-262/. Такого же мнения был и наш Ежи Енджеевич.

И как-то невольно взглянул я опять на *Сборник докладов шолоховского симпозиума*, проведенном в Белграде и Новом Саде в 1985 году, и обратил внимание на находчивую и вдумчивую статью норвежца *Гейра Хетсо* из Осло о малоизвестном рассказе Шолохова "*Ветер*". И сразу вспомнил его доклад на Восьмом Международном конгрессе славистов в 1978 году, в Загребе "Проблема авторства в романе *Тихий Дон*", который мы слушали вместе с Тобой. Возникло много вопросов и оживленный обмен мнениями. Профессор Виктор Левин из Израиля заявил, что был крепко убежден в плагиате *Тихого Дона*, но результаты полученные Гейра Хетсо и его сотрудников, при помощи математических машин и компьютерной техники - поколебали весьма существенно его мнение и заставляют его еще раз за-

думаться над этой проблемой. Ты же, принимая участие в дискуссии, сказал тогда, что не веришь в возможность компьютерной техники на данном уровне усовершенствования решать субтильные поэтологические вопросы и что никогда не сомневался в подлинности "Тихого Дона". Однако труд Хетсо, предпринятый с добрыми намерениями, заслуживает признание.

Прилекает Тебя также и литературная компаративистика. Кроме уже названных работ, хотелось бы здесь отметить Твой доклад на Девятом съезде славистов в Киеве в 1983 году, озаглавленный "*Тумачење "Слова о полку Игореве" у југословенској науци о књижевности*", получивший высокую оценку при обсуждении, в выступлениях В. В. Кускова, Э. Я. Гребневой, О. В. Творогова, К. Станиева, и других. Твои сравнительные исследования касаются также многих других проблем и вопросов. В исследовании *Русский роман и творчество Светолика Ранковича и Борисава Станковича* / в сборнике: *Русско-югославские литературные связи*. Вторая половина XIX - начало XX веков. Наука, Москва 1975 г., стр. 164-190/, контактные связи изучены в контексте типологических отношений. Меня лично здесь заинтересовал анализ суждений Светолика Ранковича о Льве Толстом и влияние автора "Войны и мира" на сербского писателя.

Знаю, что в последнее время в Твоем зорком и пронизательном поле зрения находится замечательная тема, а именно: связи черногорского поэта и главы государства, Петра Негоша с Россией и русской культурой. В силу стечения ряда сложных обстоятельств в моей жизни, я не смог быть на Одиннадцатом Международном съезде славистов в Братиславе, в сентябре 1993 года, но знакомясь с любезно мне доставленной программой, я обрадовался, когда увидел там тему Твоего доклада "*Негош и русская литература*". Зная же Твою работоспособность и душевное увлечение темой, я уверен, что вскоре выйдет из-под Твоего пера большой труд...

Помню - мы неоднократно говорили о Белинском. Ты ведь специально пригласил Василия Ивановича Кулешова из МГУ для прочтения лекции о нем в Белградском университете. "Неистовый Висарийон" - как его называли современники - постоянно привлекал Твое внимание. И отнюдь не случайно по Твоей инициативе и под научной редакцией, был издан сборник "*Наслеђе естетичке и књижевнокритичке мисли Белинског*" /МСЦ, Београд 1975, стр. 148/, в котором опубликованна и Твоя статья *Полемика Радована Кошутића са Јованом Максимовићем о Белинском* /стр. 123-132/.

Не перечить всех писателей, творчества которых касались мы в наших разговорах: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Авдеенко, Фадеева, Булгакова, Бабеля, Пастернака, Евтушенко, Рождественского, Распутина, Белова, Астафьева.. Вспоминаю Шестой конгресс МАПРЯЛ-а в Будапеште, в

1986 году, и Твои слова, высказанные в беседе со *Светланой Селивановой*: "Никогда я не пожалел о своем выборе профессии. Ни одна литература не может похвастаться такими шедеврами, какие есть в русской литературе. И это сегодня прекрасно понимают во всем мире. Говорю это со всей ответственностью, так как сам за последние три года подготовил два международных симпозиума: по поэтике Шолохова, по творчеству Чехова, и участвовал в работе оргкомитета Юбилейного горьковского научного собрания". / Цитирую по: *Литературная газета*, 17 сентября 1986, с. 7/. К этому следует добавить весьма удачно организованную и проведенную Тобой в Белграде, в 1981 году, мапрявловскую конференцию *Достоевский и современность*.

Во всем, что я выше сказал и что вспомнилось мне в связи с Твоим юбилеем 45-летия научной деятельности, чувствуется искренняя и задушевная Твоя любовь и признательность к великой русской художественной литературе, к ее этическим и эстетическим, философским, идейно-общественным и общечеловеческим гуманитарным ценностям. Ты ведь неоднократно отмечал ее величие и значение во всеобщей словесности и мировом литературном процессе, гордился той ее ролью и местом в мировой культуре, и рассматривал это как проявление в мировом масштабе славянского духа, насыщенного потенциальными возможностями возрождения мира не на основе вражды и взаимного истребления и гибели, а путем конструктивного содействия возникновению прочного мира и братства людей. *Своеобразной путеводной звездой был у Тебя Достоевский*. И опять приходят мне на мысль Твои слова, сказанные в цитированной выше беседе с Селивановой: "Помню, как впервые прочитал *Униженных и оскорбленных* Достоевского. Лето, школа закрыта, я как всегда в каникулы, пасу стадо... и читаю. Читаю и плачу.. И во сне тогда мне не снилось, что в будущем стану переводчиком этого романа. Роман заражал жалостью ко всем обездоленным, вызывал протест против несправедливостей мира, и, может быть, эта жалость и этот протест и токли нас в сторону Комунистической идеологии. Да, из такой молодежи, каким в те годы было наше поколение, не трудно было сформировать славное партизанское войско. После войны, демобилизовавшись в чине капитана, я уже профессионально занялся русской литературой" / *Литературная газета*, 17. сентября 1986 г. стр. 7/

Значит, у начал Твоей русисткой карьеры был прежде всего Достоевски. И вспоминаю с какой страстью цитировал Ты его слова из *Речи о Пушкине*, произнесенные на заседании Общества любителей Российской словесности: "О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, Мы, то есть, конечно, не мы, а будущие, грядущие русские люди поймут уже до единого, что *стать*

настоящим русским и будет именно значит: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!"

И чувствую, что свои сокровенные мечты о том, чтобы славянские народы смогли сказать свое веское слово в области мирового сосуществования народов и смогли наиболее полно "из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, прощающего враждебные, различающего извиняющего несходное, снимающего противоречия", Ты вкладывал в уста русского гения, напоминая, что ни в коем случае нельзя забывать той фундаментальной основы творческого наследия Достоевского, которая определяет существо его подлинного гуманизма.

И думается мне, что здесь-то и заключен Твой секрет активного участия в деятельности МАПРЯЛ-а. Нам есть что вспомнить. Мы ведь стояли у истоков этой организации. Только в качестве ее вице-президентов мы с Тобой проработали десять лет /1976-1986/. Ты ведь знаешь всех ведущих польских русистов, и первого нашего вице-президента МАПРЯЛ Станислава Сятковского, и нынешнего - Антони Семчука. Часто вспоминает Тебя известный наш языковед - славист Альберт Бартошевич... Тебе хорошо известны такие имена наших русистов - литературоведов, как Ришард Лужны, Телесфор Позняк, Еугения Кухарска, Тадеуш Шишко, Рене Сливовски, Флориан Неуважны и многие другие.

И когда я думаю о МАПРЯЛе и международной русистике как-то невольно всплывают имена *Виктора Виноградова, Михаила Храпченко* - наших первых президентов, *Виталия Костомарова*, долголетнего генерального секретаря и нынешнего президента. Тепло вспоминаю дружный коллектив *Института русского языка имени Пушкина*, а журнал "*Русский язык за рубежом*", несменным редактором которого до сих пор является Анна Владимировна Абрамович и в состав Международного редакционного совета которого мы с Тобой долгие годы входили.

Весьма активно участвовали именно в "наше десятилетие" в работе Бюро и Исполнительного комитета МАПРЯЛ, кроме уже названных, представители многих стран, имена которых хотелось бы назвать.

Это прежде всего вице-президенты: *А. Алитан* /ФРГ/, *К. Габка* /ГДР/, *Д. Дэвидсон* /США/, *В. Колевски* /Болгария/, *Ш. Одунуга* /Нигерия/, *М. Сотак* /Чехословакия/, *Г. Якобсон* /Швеция/. Среди членов Исполнительного совета выделялись: *Э. Баццарелли* /Италия/, *Илона Поч* /Венгрия/, *В. Джеймс*, и *Дж. Скенлан* /Великобрита-

ния/, И. Камо /Франция/, И. Ойце /Румыния/, С. Галсан /Монголия/
Г. Мукереджи /Индия/, И. Межаков - Корякин /Австралия/.

В деятельности МАПРЯЛ-а, на конгрессах, конференциях, симпозиумах обсуждались вопросы и проблемы, связанные с преподаванием русского языка и литературы, сталкивались различные концепции, и подходы. В методике преподавания русского языка иногда довольно сильно проявляла себя, под воздействием американских глотодидактических теорий, ориентировка на сугубо повседневную практическую и деловую, коммуникативную функцию. Мы же с Тобой энергично отстаивали другую точку зрения, а именно: *необходимость постоянного учета неразрывности и единства изучения и преподавания языка и литературы*, что и проявилось на XIII сессии Исполнительного совета МАПРЯЛ / Москва - Баку, 25-29 ноября 1977 года/, приуроченной к десятилетию нашей организации русистов. *В своей страстной речи Ты тогда говорил, что маленькая Сербия ввела русский язык сто лет тому назад в план школьного образования, что первым преподавателем Кафедры русского языка и литературы был русский ученый Платон Кулаковский, что в обучении русскому языку сербов решающую роль сыграла русская художественная литература.* И сейчас, и впред, настойчиво подчеркивалось в Твоем выступлении, русская литература должна составлять основу преподавания русского языка, как иностранного.

Эту мысль Ты развил и обосновал в более масштабном плане в своем пленарном докладе *Роль литературы в изучении русского языка*, представленном 13 августа 1979 года, на четвертом конгрессе МАПРЯЛ в Берлине. Ярko и убедительно прозвучали твои слова о том, что *в сознании изучающих русский язык необходимо систематически закреплять понимание, что образцовое литературное произведение представляет высший уровень владения языком, уровень на котором язык проявляется как творчество, раскрывающее абсолютное богатство языка, что литература выполняет не только эстетическую функцию, но и является богатейшим источником для страноведения, что новые слова и фразеологические сочетания, выработанные в лаборатории народной жизни, всегда входят в художественные произведения, раньше чем в словарь, что нет ни одного обстоятельства жизни, которое, в принципе, не становится сюжетной ситуацией в художественных произведениях.*

В докладе с особой выразительностью, на основе многих примеров, подчеркивалось что мировая известность русской литературы вызывала у читателей разных континентов, регионов и стран, живой интерес к языку подлинников, что *"не грамматика шла в мир перед Толстым, Достоевским и Чеховым, а вслед за ними!"*.

Бунин, Блок, Маяковский, Есенин, Леонов и Шолохов сделали для всемирного значения русского языка больше, чем учебники и пособия по русскому языку! *Зал не только с огромным вниманием*

выслушал Твое пламенное выступление, но и наградил Тебя самыми бурными аплодисментами, которые когда-либо слышались на наших конгрессах.

И как бы в продолжение вышеизложенных мыслей были твои слова на Шестом конгрессе МАПРЯЛ в Будапеште, - выступал Ты там в литературоведческой секции с докладом *Мировое значение "Тихого Дона" Шолохова* - сказанные в цитированой уже беседе с Селивановой: "Да, я придаю огромное значение роли литературы в обучении русскому языку. Уверен что если человека глубоко взволнует хотя бы одно стихотворение Тютчева или Лермонтова, он приложит все усилия, чтобы овладел языком этих поэтов. Система же падежей или глагольные формы - это прикладное. Во всяком случае, так было у меня. Русский язык начинался не с грамматики, а с книг великих русских классиков - Толстого, Достоевского, Чехова. Они были окном в Россию, окном которое хотелось распахнуть как можно шире" /*Литературная газета*, 17 сентября 1986, стр. 7/.

Итак, дорогой друг, мы вместе с Тобой постоянно ратовали за уважение и высокую оценку художественной литературы, последовательно отстаивали и укрепляли букву "Л" в аббревиатуре МАПРЯЛ. Напомню, что нас всегда поддерживал президент Ассоциации, академик Михаил Борисович Храпченко. Да и как могло быть иначе?... И мы радовались с Тобой, наблюдая процесс постепенного, но прочного становления русисткого литературоведения в МАПРЯЛе. От робкой и весьма отрывочной постановки вопросов художественной литературы на первых конгрессах до развернутой программы научных исследований в сфере литературоведения, предложенной нами и поддержанной профессором *Василем Колевским*, председателем предметной литературоведческой комиссии.

В этом отношении переломными были Четвертый, в Берлине, и Пятый, в Праге, конгрессы МАПРЯЛ. В Праге, в августе 1982 года, мы вместе с Тобой, при участии *Петра Григорьевича Пустовойта* и *Мирослава Заградки*, руководили седьмой секцией - *Современное состояние и основные проблемы изучения русской литературы*. Подготавливая итоги работы секции и программу дальнейших исследований, мы учли предложения проф. *Э. Баццаррели* /Италия/, руководящего восьмой секцией - *Методика преподавания русской и советской литературы*.

В результате я смог представить развернутую программу дальнейших исследований в своем докладе *Итоги работы Пятого конгресса МАПРЯЛ* в области литературоведения, а также преподавания русской и советской литературы /Смотри публикацию: *Русский язык за рубежом*, 1982, 6, стр. 19-22; *Ческословенска русистика*, Прага 1983, 1, стр. 7-10/.

Следует также особо выделить и подчеркнуть тот факт, что наша деятельность в МАПРЯЛе отнюдь не ограничивалась лишь только

приверженностью к художественной литературе и литературоведению. Мы с Тобой последовательно поддерживали необходимость развития научных исследований во всех без исключения отраслях русской филологии и русской глотодидактики. По твоей ведь инициативе был проведен симпозиум, в Белграде в 1977 году, *Изучение русского языка в сопоставлении с другими языками*. В свою очередь я ведь лично курировал в Польше не только литературоведческие мероприятия, но и такие мапярловские симпозиумы, как, к примеру, *Теоретические основы системы подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы* /Люблин, 12-15 сентября 1978 года/, и *Внеклассные и внеаудиторные формы обучения русскому языку и литературе* /Белосток, 19-22 сентября 1980 года/.

И всей нашей деятельности в МАПРЯЛе стремились мы с Тобой придавать не пропагандистский, а самый высокий научный уровень. И верно ты вспоминаешь в своем письме от 16 августа 1995 года, заседание Бюро Исполсовета в Баку: "Помнишь ли как мы в Баку обсуждали текст постановления о *Медали Пушкина*? Я был против пункта о присуждении медали за "пропаганду русского языка и литературы", указывая на факт, что *мы не пропагандисты а ученые*. Костомаров заметно злился на меня. Другие члены Президиума молчали. Даже моя компатриотка, и добрый человек, Антица Менац, молчала. Только Ты меня поддержал! и к общему удивлению, Михаил Борисович Храбченко согласился с нами и потребовал выкинуть эту формулировку. Блаженной памяти Михаил Борисович!". Да, эту дискуссию я очень хорошо помню.

Вспоминаю и многое другое. Всего не перечислишь. Но одна черта Твоего характера запомнилась мне навсегда: *Ты ведь в любых ситуациях, всегда, оставался собой, открытым и искренним, до беспредела честным, иногда может быть - как это кое-кому могло казаться - резковатым, но никогда не кривил душою, не подлаживался к господствующему настроению, к модным теориям, если у Тебя к этому не было убедительных доводов. Ты держал высоко знамя науки в МАПРЯЛе!*

Свидетельством тому заседание мапярловского Бюро в Вене, подготовливавшего научную программу Пятого конгресса в Праге, когда Ты предложил снять все пропагандистские формулировки из возвращенной программы и мы вместе с проф. Д. Дэвидсоном Тебя поддержали - и это было сделано.

В своем письме вспоминаешь нашу чудесную поездку в Монголию и заседание Бюро Исполсовета МАПРЯЛ в Улан-Баторе. Было много необычных впечатлений и переживаний... Всего не расскажешь. Но вспоминаю, что на встрече у главы Правительства, когда Тебя Костомаров назвал *черногорцем*, многие из наших хозяев удивились и изъявили желание узнать побольше об этой стране. Тогда Михаил Борисович предложил Тебе сказать кое-что О Черногории. И со-

хранился в моей памяти Твой красочный рассказ, сопровождаемый цитированием стихов современного черногорского поэта *Матии Бечковича*, с одновременным переводом их на русский язык:

"Черногория не имеет других дорог,
кроме крутых,
Ни хлеба, кроме солдатского,
Ни женщин, кроме сестер и матерей,
Ни детей, кроме сирот!
Черногорию Бог создал так высоко,
чтобы не был одиноким на небе.
Он был нашим человеком на небесах!
Мы же, счастливицы, погибали в молодости..."

Долго меня сопровождали эти чудесные стихи.

Я очень рад, что Тебе понравилась моя новая книга *Марьян Здоховский и Лев Толстой*, изданная в 1995 году. Ты совершенно прав, когда пишешь: "Удивительно как Здоховскому, воспитанному на польской романтической поэзии и философии, твердо верующему в "всепобеждающую силу христианства и церкви католической", не мешало восхищаться критикой Толстого *института церкви* и преклоняться перед его могучим гением художника и мыслителя. Прав Митья Карамазов - "Широк человек, даже, слишком широк..."

Дело в том, что Здоховский, обладая чуткой моральной находчивостью и пронизательностью, при всем своем отличии от Толстого, умел, как никто другой, отыскать в авторе *Воскресения*, все то, что их роднило и объединяло, и благодаря этому видел в нем могучего поборника правды и союзника в борьбе со злом и несправедливостью мира сего.

Когда я работал над частью четвертой книги, *Переписка Здоховского с Душаном Маковицким и статья Толстого "О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии"*, я вновь и вновь обращался к письму сербской девушки - патриотки Анджи Петрович ко Льву Толстому. Меня поразили следующие ее слова: "Ужасно, когда в культурный век приходится проливать кровь за свои права. Пусть Европа охраняет интересы германских народов и турок, героическая Сербия без страха пойдет на войну... Героическая смерть, которая поразит всех до единого или свобода и независимость сербской земли! Даже если сербскую армию на поле брани оставит милость Всевишнего, врагу не удастся в Сербии переступить легко порог наших домов; неизведанные еще силы сербских женщин проявятся в мести за смерть отцов и братьев." ... /*Литературное наследство*. Москва 1965, т. 75, кн. 1, стр. 496/.

Да, много бед и горя выпало на долю славянских народов и в нынешнее время. Читая Твои слова в письме ко мне: "Какой позор

разъединения славянского племени! А кончится это не только нашей трагедией!" ... - вспомнил стихотворение *Михаила Годенко* "Молитва":

Я произнес: Карабах -
И кровь запеклась на губах.
Я помянул Приднестровье -
Душа обагрилась кровью.
Вспомнил беду осетин,
Терпкую горечь руин,
Увидел Абхазию милую
В слезах над сыновьей могилою;
Пал перед скорбной Россией,
Целуя ее ноги босые.
А надо мной воронье,
А надо мной палачи,
Господи, сердце мое
Твердости научи.

В письме своем пишешь: "Мапряловские мероприятия также в упадке. С разрушением Советского Союза, потерял мировое значение "великий, могучий, правдивый и свободный" русский язык, несмотря на то, что созданная им "святая русская литература" не теряет своей величины и объективной ценности". Да, и на эту тему хотелось бы с Тобой более широко поговорить, рассказать Тебе о том, как уничтожали в Институте славистики Польской Академии наук сектор славянских литератур и литературной компаративистики...

Письмо мое к Тебе невероятно разрослось. А ведь, это просто, дорогой друг, продолжение наших разговоров и наших дискуссий, начатых с первой встречи на одной из мапряловских конференций во второй половине шестидесятых годов...

Ты ведь знал лично почти всех наших ведущих русистов, работающих в Институте. Отлично помню как Ты говорил о докторе *Людвике Язукевич - Оселковской*: "Боже мой, как она знает и понимает Достоевского!" И ее, как и других моих сотрудников, прогнали из Института. Она сейчас в Прушкове преподает в школе *английский язык*. По разному складывается судьба, иногда очень трагическая, других лиц... Гонители наши благоденствуют и процветают... Стыжусь за их полное моральное падение и разложение, за потерю элементарного объективизма и всякой совести. Именно таких преследователей и гонителей "не перестающих лгать перед собой и людьми" Лев Толстой в письме от 27 декабря 1907 года к нашему крупнейшему писателю *Генрику Сенкевичу* называл существами "лишенными высшего человеческого сознания", стоящими "на самой низкой ступени нравственного развития", которые "несмотря на все старания хвалителей, не могут в наше время внушать ничего кроме отвращения".

И говоря словами Толстого, мне тоже больше жалко тех людей, которые стали нашими погромщиками, чем нас преследуемых и гонимых.

О Тебе же в связи с юбилейными датами, хотелось бы сказать парафразируя слова *Максима Горького* из *Песни о Соколе*: "*Рожденный летать, ползать не может...!*"

Искренне Твой

Базили Бялокозович

Проф. др Базили Бјалокозович

НАСТАВАК РАЗГОВОРА

(Резиме)

У овом прилогу аутор на оригиналан начин - у форми писма јубилару - детаљно приказује три сегмента научне и стручне делатности академика Бабовића: најважније радове из русистике и компаративистике; реферате на конгресима слависта; активност у Извршном савету МАПРЈАЛ-а, као један од потпредседника.

Аутор пре свега анализира и оцењује научне радове о Достојевском, књиге: *Достојевски код Срба, Стваралаштво Достојевског, Руски реалисти XIX века*, књ. 1. Затим студије *Судбина добра и лепоте са аспекта хуманизма Достојевског, Легенда о Великом инквизитору, Концепција људског бића у романима Достојевског, Елементи романтизма у структури романа Достојевског*. Овој групи радова аутор прибраја и Бабовићеве расправе о утицају Достојевског на српску књижевност - на Бору Станковића, Светолика Ранковића, Исидору Секулић, Велка Петровића, и др.

Студиозно аутор презентира Бабовићеве књиге *Руски реалисти XIX века*, књ. 2 и *Песници и револуција*, о ремек-делима руске књижевности XX века, инспирисаним Октобарском револуцијом и грађанским ратом. Анализирајући поглавље о Толстоју, аутор истиче као посебну вредност Бабовићево становиште да су психолошки и филозофски план Толстојевих романа комплексношћу и дубином равни романима Достојевског, а богатством сижејних ситуација чак их надмашују.

У приказу "Песника и револуције" аутор сматра најуспелијим студије о "Дванаесторици", А. Блока, "Коњичкој армији" И. Бабеља, "Лопову" Л. Леонова и "Тихом Дону" Шолохова.

Презентирајући учешће професора Бабовића на међународним симпозијумима и конгресима, аутор истиче његов реферат "Функција књижевности у изучавању руског језика" на конгресу у Берлину, који је "аудиторијум слушао са изузетном пажњом и наградио френетичним аплаузом какав се икада чуо на нашим конгресима". Поред овог, аутор говори о Деветом конгресу слаvista у Кијеву, на коме је Бабовић оспорио две главне тезе реферата професора Б. Криста (Аустралија) да је Тургеев талентом раван Достојевском и Толстоју и да је утицао на европску књижевност, посебно француску. Факат што је Тургеев извесно време био најпознатији руски писац у Европи објаснио је блискошћу са Флобером и Жорж Сандовом, који су га афирмисали. Показао је да је, напротив, француски роман утицао на Тургеева. Најзад, да ниједно дело Тургеева по уметничкој вредности није равно "Злочину и казни" или "Ани Карењиној".

Говорећи о Бабовићевој сарадњи у Извршном савету МАП-РЈАЛ-а, посебно истиче две седнице: у Бакуу, на којој је одбацио предлог да се Пушкинова медаља додељује "за заслуге у пропаганди руског језика и књижевности", инсистирајући да се формулација замени са "за заслуге у изучавању руског језика и књижевности", што је Савет и усвојио.

Веома је импресивно ауторово сећање на седницу Савета одржану у Улан-Батору (Монголија). Одазивајући се молби домаћина, који нису ништа знали о Црној Гори, Бабовић је рецитовао стихове из поеме Матије Бећковића "Рече ми један чоек":

"Црна Гора нема другијех путева до стрменијех,

Ни љеба до војничкога, ни ђеце до сирочади...", итд.

У закључку аутор прилога се обраћа јубилару: "Ти си у свим околностима увек био свој, отворен и искрен, до крајности частан, понекад можда оштар, али никада ниси грешио душу, ниси се приклањао владајућем расположењу и модерним теоријама, без убедљивих разлога. Ти си високо држао заставу науке у МАПРЈАЛ-у".